

Д.В. Макаров

Этнографические методы в изучении ислама в Российской Федерации в советский период (На опыте работы по серии энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации»)

В 2006 г. Издательским домом «Медина» была начата работа по подготовке серии энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации». В настоящее время в данной серии вышло 5 томов: «Ислам на Нижегородчине», «Ислам в Москве», «Ислам в Санкт-Петербурге», «Ислам в Центрально-Европейской части России» и «Ислам на Урале». В настоящее время активно идет работа над шестым томом «Ислам в Поволжье». Каждый из томов носит региональный характер. Временные рамки издания охватывают отрезок от появления ислама и его носителей в данном регионе до настоящего времени. Было решено максимально полно представить историю ислама во всех регионах России, что делает данное издание уникальным, но в то же время это решение ставит ряд задач, подчас трудновыполнимых.

В ходе работы серьезно встал вопрос относительно наличия или отсутствия лакун в существовании мусульманских общин ряда регионов, а также проблем преемственности и передачи исламских традиций. В значительной степени это касалось советского времени.

Традиционно считается, что этот период хорошо представлен в архивных источниках. К сожалению, источниковедческие методы при всей их точности малоприменимы в данном случае. Причина этого проста: в ряде регионов деятельность мусульманских общин не фиксировалась вообще или не отражалась в достаточно подробном виде, и адекватных архивных источников по ней не существует. И даже в том случае, когда мусульманская община была официально зарегистрирована в качестве религиозной организации, нельзя говорить о полной ее открытости и о том, что вся ее деятельность была задокументирована. Как справедливо заметил уполномоченный Совета по делам религий по Волгоградской области, «татарское и казахское общества отличаются известной степенью замкнутости, и судить об истинном состоянии их религиозности невозможно» [Голунов, б.г., с. 10]¹. Вышесказанное

1 | См. также Государственный архив Волгоградской области. Ф. 6285. Оп. 1. Д. 34а. Л. 160.

относится в равной степени и к другим этническим мусульманским общинам. В данном случае для установления полной картины в основном применимы именно этнографические методы.

Ярким примером расхождения архивных данных и этнографии является описание проведенного обряда *келяу* (вызывание дождя) в селе Кобылкино Каменского района Пензенской области. Согласно докладу уполномоченного Совета по делам религии, «обычному празднику проводов весны придали религиозную окраску. Местный мулла отказался участвовать в этом (коллективный намаз под открытым небом), поэтому позвали неофициального муллу из соседнего района» [Королева, Королев, Ломовцев, 2007, с. 89]. Информация от местных жителей, собранная автором в ходе полевых исследований в 2007–2008 гг., разительным образом отличается от вышеприведенной. Несколько обобщенное изложение выглядит следующим образом²:

«В тот год дождей не было. Первый секретарь райкома партии приехал к нашему мулле (мечеть в селе действовала) и попросил его, чтобы он попросил дождя. Мы собрались всем аулом в поле и провели *истиска-намаз*³. Так с тех пор каждый год и читаем или *истиска*, если дождя нет, или *шукур-намаз*⁴, если он был». На вопрос, что за неофициальный мулла из «соседнего района», чье имя между прочим в докладе уполномоченного отсутствует, местное население без запинок отвечало, что это Нязыф Хансеев из соседнего села Решетино Пачелмского района (оба села имеют тесные взаимосвязи), добавляя, когда он умер, и «поезжайте, у его брата Касыма спросите, он жив еще». Еще одно несовпадение заключалось в вопросе об участии в празднике собственного деревенского муллы, о котором сказали, что «они вместе все проводили с Нязыф-абы» [ПИМА 2007–2010].

В ходе работы проводились исследования в Ивановской, Тульской, Курской, Владимирской, Пензенской, Костромской, Ярославской Московской областях, городах Москва, Санкт-Петербург. В настоящее время исследования проводятся в Ульяновской, Астраханской, Кировской и ряде других областей. Методика работы заключалась в интервьюировании лиц пожилого возраста, имамов населенных пунктов, потомков официальных и неофициальных имамов советского времени, поиске документов по их деятельности в семейных архивах.

Были найдены документы по переписке городских и поселковых администраций с неофициальными имамами: в городе Звенигороде Московской области [Мусульманская община Звенигорода, с. 154–155] и Туле [Мусульманская община Тульской области, с. 204–206]. Переписка эта касалась вопросов функционирования мусульманских кладбищ в данных населенных пунктах. Оба документа ранее не были введены в научный оборот.

2 | Пер. на русский язык, интервьюирование проводилось на татарском.

3 | Специальный намаз, содержащий в себе просьбу о дожде.

4 | Намаз, содержащий благодарность.

Вообще, серьезно встает вопрос относительно кладбищ и их роли в сохранении исламских традиций. Во многих регионах на кладбищах регулярно проводились праздничные намазы при отсутствии мечетей. Это Ульяновская и Пензенская области, Санкт-Петербург [Интервью Х. Махмудова], некоторые районы Татарстана (Буинский, Дрожжановский) [ПМА 2007–2010]. У некоторых исследователей, как, например, ульяновского историка и этнографа А. Кобзева этот факт даже вызвал вопрос о возможных вынужденных нарушениях установленной обрядности (согласно установлениям ислама, проведение намазов на могиле строго запрещено, а в условиях отсутствия мечетей именно на кладбищах зачастую и проводились праздничные и *джума*-намазы). Впрочем, при более детальном рассмотрении данного вопроса сомнения были развеяны. Дело в том, что намаз читался на территории, де-юре относящейся к кладбищу, но не на могилах, которые располагались сзади или сбоку от молящихся. Особый интерес вызывает тот факт, что в Татарстане, в Заказанье, а также среди исторически и генетически связанного с Заказаньем татарского населения юга Кировской области праздничный намаз совершался не на кладбище, а в других местах (в поле, на крыше картофельного склада и т.д.) [ПМА, 2007–2010].

Один из самых интересных результатов исследований заключался в установлении цепочек передачи знания в тех или иных регионах и общинах; особенную сложность эта работа приобретала в переселенческих общинах (Тульская, Владимирская, Ивановская обл.). В настоящее время подобные цепочки установлены в ряде регионов, причем в переселенческих общинах установлены источники появления как самих общин, так и пути передачи исламских традиций в них [Мусульманская община Тульской области, с. 204–206; Мусульманская община Ивановской области, с. 188–191; Мусульманская община Владимирской области, с. 183–184]. Сложности в установлении цепочек передачи знаний и традиции в советское время возникают в силу того, что официальных учебных мусульманских религиозных заведений на территории России с конца 1930-х гг. не существовало. В то же время неофициальная учеба, мягко говоря, не приветствовалась. Поэтому если факты проведения обрядов жизненного цикла, повседневной ритуальной практики установить сравнительно легко, то передача знаний фиксируется с большим трудом, иногда по косвенным данным.

Практически все современные мусульманские деятели получили домашнее воспитание в религиозных семьях или же у своих дедушек и бабушек, или самих имеющих дореволюционное исламское образование, или получивших его от подобных лиц. Нередко возникали династии неофициальных имамов — например, Бахтеевы в с. Энгуразово Уваровского района Тамбовской области [Энгуразово, с. 350–351; Мечети Тамбовщины; ПМА, 2007–2010], Сафины во Владимире и т.д.

Весьма интересным было установление факта нахождения художников в Средней Елюзани — самом большом татарском селе Европы. Пре-

подавал в ней и содержал ее Насибулла Аипов — уроженец соседней Верхней Елюзани (Аембура), получивший до революции образование в медресе с. Усть-Уза и в годы НЭПа проживавший в Петрограде. Впоследствии бежал из Ленинграда в Среднюю Елюзань, где, как минимум, с 1950-х гг. открыл неофициальную частную школу. В школе училось и проживало по 10–12 мальчиков, которые выходили из нее только на занятия в обычную школу. Название «хужра» жителями Ср. Елюзани не употребляется. Очень интересен тот факт, что среди учеников школы-хужры был и внук председателя сельсовета И. Альбикова. Самым же известным выпускником является нынешний глава ЕДМ Пензенской области А. Бибарсов [Аипов, с. 13; Бибарсов, с. 48; Интервью с А. Бибарсовым; Городищенский район, с. 66–67].

При обращении к архивистам по личности Н. Аипова был найден всего один лишь документ — его прошение с просьбой открыть курсы по изучению религии с отрицательной резолюцией. Между прочим об этом документе его односельчане не знали.

Именно этнографические методы позволяют установить характер связей между исламскими институтами в советское время, выяснить, какие школы из существовавших в дореволюционный период в России сохранились, а какие прекратили свое существование, выяснить характер государственно-исламских взаимоотношений на местном (сельском, городском, районном, региональном) уровне, зачастую весьма отличавшийся от общего курса партии и правительства.

Нередко межрегиональные связи между мусульманскими общинами формировались на основе миграций населения. Например, в г. Владимире с 1946 г. руководителями незарегистрированной религиозной группы являлись представители династии Сафиных, приехавшие из с. Татарское Маклаково Нижегородской области. Особый интерес вызывает тот факт, что сестра братьев Сафиных вышла замуж за сына неофициального имама из г. Фурманов соседней Ивановской области — уроженца того же аула. Это указывает на наличие межрегиональных связей между общинами [ПМА, 2007–2010]

В пос. Горелки г. Тула с конца 1930-х гг. функции имама выполняли члены династии Давыдовых — Алимджан, Зияутдин и Ришат. Алимджан имел дореволюционное образование, полученное еще до высылки из Старокулаткинского р-на Ульяновской области. Образование его сына Зияутдина ограничивалось тем, что дал ему отец. В настоящее время династию продолжает получивший религиозное образование исключительно от отца и деда Ришат. Члены семьи поддерживают связи со Старокулаткинским районом, в т.ч. участвуют в посещениях могилы Ишан-бабака Хабибуллы Хансаварова [ПМА, 2007–2010; Мусульманская община Тульской области, с. 188–191] .

Традиции ишанов Хансаваровых чтутся и в Пензенской области, например в Неверкинском районе, где в царское время были сильны традиции этой школы. В то же время в знаменитой Средней

Елюзани многие представители старшего поколения про Хансеваровых ничего не знают.

Известно, что в формировании значительной части современного татарского населения юга Кировской области — Вятско-Полянского, Кильмезьского и Малмыжского районов — сыграли выходцы из районов Заказанья — Кукморского, Арского, Балтасинского районов. Практически все читающие намаз опрошенные лица пожилого возраста в Вятских Полянах подчеркивали определяющее влияние известного медресе в Мачкаре (Кукморский район Татарстана) в Вятско-Полянском районе, причем выражалось это следующим образом: «Наши деды в этом медресе учились, и мы продолжаем их традиции» [ПМА, 2007–2010].

Интересны взаимоотношения официальных и неофициальных имамов советского времени. Здесь особо важен выбор опрашиваемых лиц, которых с каждым годом становится все меньше. Согласно интервью Абдулхафиза Махмудова, являвшегося в 1972–1977 гг. имамом ленинградской мечети, после окончания школы его учитель в исламе, казахский неофициальный имам Ярмухаммад, посоветовал ему ехать в Уфу, к муфтию Шакиру Хиялетдинову⁵. Почтенный старец Хиялетдинов принял неизвестного ему паренька, устроил на работу и вскоре послал на учебу в Бухару. Интервью было дано Махмудовым за 2 дня до смерти. Другой аналогичный факт рассказал Аббас Бибарсов. Воспитанник вышеупомянутого Насибуллы Аипова, он получил рекомендацию в Бухару от имама-мухтасиба Пензенской, Ульяновской, Куйбышевской и Тамбовской областей Яруллы Юсупова, проживавшего в с. Большой Труев Кузнецкого района той же области [Юсупов]. Таким образом, прошедшие начальное обучение у имеющих дореволюционное образование неофициальных учителей и имамов молодые люди без всяких препятствий получили направление на дальнейшую учебу у представителей официального мусульманского руководства. Аналогичная история и у муфтия Башкортостана Нурмухаммада Нигматуллина, чей отец обучался у одного из последних башкирских ишанов [Интервью с Н. Нигматуллиным].

В ходе работы мы пришли к следующим выводам.

Закключение А. Беннигсена о том, что неофициальный ислам в Советском Союзе имеет гораздо большую распространенность и степень влияния, чем официальный [Беннигсен, 2005], полностью верно в отношении Центральной России, Поволжья и Приуралья, мегаполисов. Более того, в некоторых регионах, где официальный ислам не был представлен вовсе (в том числе абсолютное большинство регионов Центральной России), единственной представленной формой был именно неофициальный ислам.

Исследования в данной сфере невозможно проводить лишь методом привлечения архивов, в этом случае информация заведомо неверна.

5 | Аудиозапись в личном архиве автора.

Передача исламских знаний и традиций в Российской Федерации происходила в советское время исключительно неофициальным путем, и их изучение возможно лишь этнографическими методами.

Несмотря на определенную деградацию мусульманских традиций в ряде регионов с течением времени (Курск, Тула), даже там преемственность поколений не нарушалась

Интервьюирование лиц, задействованных в системе работы ДУМЕС в 1960-е гг., позволяет сделать выводы об интересном характере взаимоотношений официальных и неофициальных имамов. Такие контакты были, и они носили характер рабочих отношений, а отнюдь не конфронтационный.

Существовали межрегиональные связи, как правило, между соседними регионами в Поволжье; между переселенческими общинами и регионами происхождения переселенцев. На уровне руководства общин развивались связи по принципу центр — периферия, причем центром была Уфа с ОМДС. С конца 1970-х гг. начали развиваться межрегиональные связи между регионами Поволжья, Москвы и Ленинграда, с одной стороны, и Средней Азией — с другой.

Одна из самых больших сложностей при использовании этнографических методов представляется в определении личностей неофициальных имамов и учителей советского времени. Нередко в устной традиции их имена заменяются сокращениями (Ярук, Ибрай и т.д.), прозвищами (Суфи-бабай, Муджавир-хазрат, Ишан-бабакай и т.д.). В некоторых случаях возможно установление точных имен при использовании архивных данных.

Если работу по восстановлению картины функционирования исламских институтов в советское время не провести в ближайшие десять лет, проведение ее в дальнейшем будет, скорее всего, уже невозможно.

Источники и литература

- Аипов — Аипов // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энци. словарь. Т. 4. М.–Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
- Беннигсен, 2005 — *Беннигсен А.* Ислам в СССР. Казань, 2005.
- Бибарсов — Бибарсов // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энци. словарь. Т. 4. М.–Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
- Голунов, б.г. — *Голунов С.В.* Ислам в Нижнем Поволжье: история и современность. Б.м., б.г.
- Городищенский район — Городищенский район // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энци. словарь. Т. 4. М.–Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
- Имам-хатыб, хаджи — *Забиров А.* Имам-хатыб, хаджи, любимый дед: <http://www.islamrf.ru/news/vsluh/umma/7131/>
- Интервью с А. Бибарсовым — Интервью, данное А. Бибарсовым 15.08.2008 // Аудиозапись в личном архиве автора.
- Интервью с Н. Нигматуллиным — Интервью, данное Н.Нигматуллиным 23.09.2009 // Аудиозапись в личном архиве автора.
- Интервью Х. Махмутова — Интервью Х. Махмутова, данное 13.10.2008 // Аудиозапись в личном архиве автора статьи.
- Королева, Королев, Ломовцев, 2007 — *Королева Л.А., Королев А.А., Ломовцев А.И.* Мусульманские организации Среднего Поволжья во второй половине 1940 — первой половине 1980-х гг. (по материалам Пензенского региона). Пенза, 2007.
- Мечети Тамбовщины — *Макаров А.* «Ты помнишь, товарищ, мечети Тамбовщины»: <http://www.islamrf.ru/news/reportages/umma/4283/>
- Мусульманская община Владимирской области — Мусульманская община Владимирской области // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энци. словарь. Т. 4. М.–Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
- Мусульманская община Звенигорода — Мусульманская община Звенигорода // Ислам в Москве: Энци. словарь. Т. 2. М.–Н. Новгород: ИД Медина, 2008.
- Мусульманская община Ивановской области — Мусульманская община Ивановской области // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энци. словарь. Т. 4. М.–Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
- Мусульманская община Тульской области — Мусульманская община Тульской области // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энци. словарь. Т. 4. М.–Н. Новгород: ИД Медина, 2009.
- ПМА, 2007–2010 — Полевые материалы исследований автора, проводившихся в 2007–2010 гг.
- Энгуразово — Энгуразово // Ислам в Центрально-Европейской части России: Энци. словарь. Т. 4. М.–Н. Новгород: ИД Медина, 2009.